

DOI: 10.31857/S241377150007305-8

**“В память наших десятилетних,
не омраченных ничем дружелюбных отношений...”:
неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку
и их историко-литературный контекст**

© 2019 г. Ю. А. Изумрудов

Кандидат филологических наук,
доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, Нижний Новгород, Большая Покровская, д. 37
izumrud.nnov@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 29 июля 2019 г.

Дата публикации: 31 октября 2019 г.

Резюме. В статье вводится в научный оборот полный корпус писем Б.А. Садовского к А.А. Блоку (1910–1921) и дается историко-литературный комментарий к ним. Письма представляют большой интерес для специалистов-филологов, и не только потому, что проясняют взаимоотношения их автора и адресата, — в них освещаются актуальные вопросы литературы и жизни: тут и оценки творчества Н.С. Гумилева, и характеристика художественной индивидуальности в свете двух пушкинских типов — Моцарта и Сальери; атмосфера либеральной петроградской периодики и планы издания антиакмеистской “Галатеи”; монархический идеал и бесперспективность судьбы художника в разрушенном революцией мире. В статье также выявляется круг блоковских произведений, особо ценимых Садовским, отмечается важность мотива деревни в их творческих контактах (во многом очень разные поэты, но воспитанные все-таки в городской культуре, именно через *деревенское* они поняли и приняли друг друга); особенное внимание уделено своеобразию интерпретации Садовским темы “Блок и Серебряный век”.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, А.А. Блок, переписка, историко-литературный контекст, Серебряный век.

Для цитирования: Изумрудов Ю.А. “В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружелюбных отношений...”: Неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку и их историко-литературный контекст // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 44–58. DOI: 10.31857/S241377150007305-8

**“In Memory of Our Ten-Year Friendly Relations,
Which Have Not Been Marred by Anything... ”:
The Unpublished Letters from Boris Sadovskoy to Alexander Block
and Their Literary and Historical Context**

© 2019 Yuriy A. Izumrudov

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
Bolshaja Pokrovskaja 37, Nizhny Novgorod, 603000, Russia
izumrud.nnov@mail.ru

Received: July 29, 2019

Date of publication: October 31, 2019

Abstract. The article discusses the complete letters by B.A. Sadovskoy addressed to A.A. Blok, introducing these letters into scholarly circulation and supplying them with a detailed historical-and-literary comment. The letters are of great interest to literary researchers not only because they shed additional light on the relationship between the author and the addressee, but also because they are of topical literary and historical concern: they touch upon evaluations of N. Gumilev's works, upon characterization of any artistic individuality in the light of two Pushkinian types — of Mozart and Salieri, upon the atmosphere of the liberal Petrograd periodicals and the publishing plans for the anti-acmeistic "Galatea"; upon the monarchical ideal and the hopelessness of the artist's fate in the world destroyed by the Revolution. The article lists Blok's works especially valued by Sadovskoy. Sadovskoy's concept of Blok's artistic path as the "trilogy of incarnation" is discussed here. The importance of the village motif in the creative exchanges between Sadovskoy and Blok is pointed out. It is noted that despite their many differences, both poets were brought up in the highly cultured urban circles, and thanks to their mutual appreciation of the rustic they grew to understand and accept each other. The article emphasizes the singularity of Sadovskoy's interpretation of the "Alexander Blok and the Silver Age" theme.

Key words: B.A. Sadovskoy, A.A. Blok, correspondence, historical and literary context, Silver Age.

For citation: Izumrudov Ju.A. "*V pamyat' nashikh desyatiletnikh, ne omrachennykh ничем družhelyubnykh otnoshenij...*": *Neizdannyye pis'ma Borisa Sadovskogo k Aleksandru Bloku i ikh istoriko-literaturnyy kontekst* ["In Memory of Our Ten-Year Friendly Relations, Which have not been Marred by Anything...": The Unpublished Letters from Boris Sadovskoy to Alexander Blok and Their Literary and Historical Context]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 5, pp. 44–58 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007305-8

Судьба оказалась несправедливой к литературной репутации талантливого поэта, прозаика, критика Серебряного века Бориса Александровича Садовского (1881–1952): на долгие послереволюционные десятилетия он был напрочь забыт как "несозвучный эпохе". Выросли целые поколения, которые не только не читали его книг, но даже и имени его не слышали. Садовской не издавался, не включался ни в школьные, ни в вузовские программы. Положение начало меняться лишь с конца XX века, и прежде всего усилиями одаренного архивиста-исследователя С.В. Шумихина, выпустившего сборники прозы и поэзии Садовского, опубликовавшего много ценнейших материалов из его фонда в РГАЛИ. Важными вехами в садовсковедении стали работы Р.Л. Щербакова, И.П. Андреевой и Т.В. Анчуговой (Москва), Н.Н. Кисловой (Самара), С.Н. Пяткина и Г.Л. Гуменной (Нижний Новгород). При участии автора этих строк в настоящее время разрабатываются планы научного издания собрания сочинений писателя. И в соответствии с этими планами нами уже обнародован ряд его неизвестных текстов. Пришла пора наконец-то опубликовать и письма Садовского к А.А. Блоку, тем более что грядет 140-летний юбилей последнего.

Впервые Садовской увидел Блока в 1906 г. в Москве, куда Александр Александрович приехал для участия, как член жюри, в устроенном журналом "Золотое руно" литературно-художественном конкурсе на лучшее произведение о дьяволе. Личное же знакомство произошло в 1910 г., опять же в Москве. Ну а потом — частые встречи в Петербурге, последняя — в предреволюционный 1916 год.

Далее — революционная смута и война, отрезавшие их друг от друга. И тяжкие болезни и депрессии обоих. Садовской, пусть и парализованный, выжил и вернулся к творчеству. Блок же скончался в 1921 г., и смерть его была воспринята многими как событие эсхатологическое.

К имени Блока, его идеям и ценностям Садовской постоянно обращался в своем творчестве. Вынашивал даже замысел романа о нем. И пусть таковой, к сожалению, не реализовался, но в 1946 г. Садовской написал замечательный по выразительности литературный портрет Блока, важный в плане авторского понимания личности прославленного поэта, его жизненной и художественной эволюции. Еще одна весьма значимая страница творческой деятельности Садовского в рассматриваемом нами контексте — его знаменитые литературные мистификации. Садовской — смело скажем — был одним из самых успешных в нашей литературе мастеров этого жанра. У него с десятком произведений подобного рода, и половина из них — "блоковские". Самое известное среди них — творчески переосмысленная фольклорная "Сказка о Наполеоне", напечатанная как произведение Блока (причем в его собрании сочинений!) под названием "Солдатская сказка". Как нам удалось выяснить, данная мистификация, традиционно считавшаяся непротивительной шуткой-розыгрышем, будто бы написанной Блоком в 1915 г. на пари с Садовским (напечатают — не напечатают), есть на самом деле полемический отклик монархиста Садовского на поэму "Двенадцать", поданный с иносказательным изяществом: получалось, — естественно, для проницательного читателя! — что

Блок сам себя разоблачал, дезавуировал свои революционные идеи [1]. В одном ряду с “Солдатской сказкой” прочитываются нами и страницы упомянутого выше мемуарного очерка 1946 г. с портретом Блока: автор акцентирует — и опять же это нужно уметь почувствовать! — вехи эволюции Блока от естественности, органичности мировидения в подлинных творениях, принесших ему заслуженную репутацию величайшего лирика России, к ложным постулатам “Двенадцати” [2]. Нам представляется, что данные мемуары следует публиковать вместе с “Солдатской сказкой” (и некоторыми другими мистификациями Садовского) — как своеобразный автокомментарий к ней.

Об историческом периоде конца XIX — начала XX вв., на который пришлось жить Блоку, периоде коренной ломки всего мироустройства как на государственном уровне, так и на индивидуальном, периоде, получившем наименование Серебряного века, — о *русском апокалипсисе* — Садовской размышлял много и напряженно. Один из ключевых в этом отношении текстов — проникнутый страстной и очень жесткой антибольшевистской идеей роман “Шестой час” (1921). Об этом романе идет речь в нескольких наших публикациях ([3], [4]). Интересно, в частности, сопоставить концепцию Серебряного века у Садовского и Ахматовой. Ведь главная тема автора “Шестого часа” — виновность богемно-художественной интеллигенции Серебряного века в гибели Русской державы — стала главной и для Ахматовой, в ее зрелом творчестве, в самом совершенном ее произведении, знаковом для всей русской литературы XX века, — гениальнейшей “Поэме без героя” (1940–1965).

Да, конечно же, это очень разные произведения — “Шестой час” Садовского и “Поэма без героя” Ахматовой — разные по жанру, стилю, направленности, однако же единые в скорби и боли за отечество, в чувстве сопричастности его судьбе. “Поэма без героя” — недостижимый шедевр в разработке темы трагической вины русской интеллигенции Серебряного века, а “Шестой час” оказался в числе ее предшественников, в кругу произведений, чей опыт эта поэма обобщила, и не важно, что Ахматова не читала “Шестой час”, ведь есть коллективный объективный опыт эпохи, память эпохи, что *хранит все*. Симптоматично, что именно эта мысль в качестве эпиграфа предпослана поэме: “Deus conservat omnia” [5, с. 272] (“Бог хранит все”).

Характеристику эпохи конца XIX — начала XX столетия оба автора дают через соотнесенность с судьбой Блока. Но соотнесенность эта разная. У Ахматовой Блок — олицетворение этой

эпохи, ее зеркало, символ (вспомним: в годы работы над “Поэмой без героя” она писала о знаменитом поэте в одном из стихотворений: “Как памятник началу века, / Там этот человек стоит...” [5, с. 214]). И, осуждая эту эпоху, Серебряный век, впавший в грех вседозволенности, Ахматова осуждает и Блока, но осуждает не персонально его, как человека и поэта, а образ-миф, каким он сформировался в сознании значительной части тогдашней общественности на почве некритического усвоения некоторых мотивов блоковской лирики, раскрывающих душевные состояния лирического героя, вовлеченного в водоворот декадентского аморализма.

У Садовского несколько иная концепция Серебряного века (в чем-то, однако же, смыкающаяся с ахматовской), он как бы выводит Блока из-под удара, изымает его из Серебряного века, который для Садовского есть порождение Города, и только Города как “общеевропейского нивелирующего начала”, “сфинкса без загадки, с искаженным лицом самоубийцы, с автомобильным смрадом вместо души” [6, с. 21–22]. Российский город в его понимании — это лишь две столицы, Москва и Петербург. Все остальное, от маленьких деревушек и усадеб до уездных и губернских центров, — это Деревня, истинная, заповеданная предками Русь, где первейшие ценности — “старорусская культура и здравый смысл” [6, с. 8]. И подлинная поэзия — “исконная дочь Деревни” [6, с. 21]; от Деревни — вдохновение, полет мысли, искренность, от Деревни — Вера, Надежда, Любовь. И потому Блок, традиционно воспринимаемый как городской, петербургский поэт, в трактовке Садовского оказывается органично связанным с миром Деревни, огромной, бескрайней, многомиллионной Россией, к которой обращены самые сокровенные строки его:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!

<...>

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты все та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей... [7, с. 254]

Стихотворение “Россия”, из которого эти строки, Садовской, по его собственному признанию Блоку, “без мурашек не мог читать”¹. И, конечно же, для него было очень важно, что Блок в его книгах от-

¹ Садовской Б.А. Письма А.А. Блоку // РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391. Л. 7.

мечал и ценил именно деревенский мотив: «Читаю “Позднее утро”, многое полюбил, особенно деревенское; ...то, что Вы пишете о деревне русской, останется незыблемым» [8, с. 309–313].

Деревенское явилось точкой взаимного притяжения в творческих судьбах Блока и Садовского. Во многом очень разные поэты, воспитанные все-таки в городской культуре, именно через *деревенское* они поняли и приняли друг друга. Обоим было ясно, что дальнейшие судьбы русского искусства немыслимы без приобщения к духовным ценностям и нравственным идеалам основного российского сословия, крестьянства. «Целомудренный росток русской поэзии тогда лишь прозябнет вновь, когда из нечистых рук истощенного эстета лиру примет могучий земледелец» [6, с. 30], — вот так, с присущим ему максимализмом, Садовской сформулировал эту мысль. И пафос его во многом разделялся Блоком.

«“Моцартнейший” из Моцартов посреди современных Сальери и сальерчиков, до запала заездивших нашего российского Пегаса»², “достойный преемник Фета” [6, с. 17], как никто сумевшего “выявить чистую гармонию стиха” [9, с. 380], — такими были у Садовского дореволюционные оценки творчества Блока. Однако и после революции он остался верен им, несмотря на неприятие поэмы “Двенадцать”, чьи идеи решительно оспорил как в “Солдатской сказке” и других мистификациях, так и в оригинальных произведениях.

“Двенадцать”, по Садовскому, чужеродное Блоку произведение; оно от Города, на краткое время взявшего в полон душу поэта, от *его лжемузыки*; это плоть от плоти накликавшего Революцию и потому особенно ненавистного Садовскому Серебряного века. Эта поэма стала для него едва ли не главным стимулом к антибольшевистской рефлексии, и не столько ради сокрушения большевизма, сколько ради защиты от него самого Блока и самой поэзии, олицетворением которой он для Садовского являлся. Характерно, что в его воспоминаниях о Блоке (см. выше), написанных уже много лет спустя после его смерти и предназначенных для публикации в советском журнале, ни словом не затрагиваются “Двенадцать”, а образ Блока остается таким же, как в момент их первой встречи в 1906 г.: “Поэт в полном значении слова, поэт с головы до ног” [2, с. 49].

Итак, как уже было сказано, Садовской изымает Блока из Серебряного века. Выразителем духа последнего в его “Шестом часе” оказывается К.Д. Бальмонт (и это естественно, поскольку

восприятие Серебряного века у Садовского всегда было гротескно-шаржевое, с чем действительно в первую очередь согласуется скандально-эпатажная фигура Бальмонта, но никак не Блок).

* * *

Письма Садовского к Блоку в полном виде никогда не публиковались. Насколько нам известно, в свое время блоковед С.С. Лесневский предпринимал попытку их напечатать, но по каким-то причинам это не осуществилось. С.В. Шумихин — судим об этом по нашему общению с ним — также проявлял интерес к данному вопросу, но, к сожалению, он рано ушел из жизни.

В 1981 г. в “Литературном наследстве” (том 92, кн. 2) были напечатаны письма Блока к Садовскому, но ответные письма не приводились, хотя отдельные цитаты использованы в комментариях. В 2007 г. одно письмо Садовского, предпоследнее из посланных им Блоку, было приведено С.В. Шумихиным в примечаниях к его публикации писем Г.П. Блока (двоюродного брата поэта) к Садовскому [10].

Далее 12 писем Садовского к Блоку печатаются по автографам, сохранившимся в РГАЛИ (Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391); наши комментарии даются в постраничных сносках.

Письма Б.А. Садовского к А.А. Блоку (1910–1921)

1.

Уважаемый Александр Александрович!

Хоть Вы, конечно, уже получили мою “Камену”³, я считаю долгом извиниться перед Вами за мед-

² Садовской Б.А. Письма А.А. Блоку // РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391. Л. 2.

³ “Русская Камена” (М.: Мусагет, 1910) — сборник статей Садовского о русских поэтах XVIII–XIX вв. Об обстоятельствах получения Блоком этой книги Садовской позднее рассказал в письме к известному советскому литературоведу В.Н. Орлову: «В ноябре 1910 г. Блок приезжал в Москву. Встретившись с ним в издательстве “Мусагет”, я подарил ему мою книгу “Русская Камена”. Блок вскоре уехал, а через несколько дней мной была получена от него в заказном пакете эта же книга. Мне представилось, что Блок, возмущенный ее содержанием, шлет книгу обратно; не без волнения я вскрыл пакет. Оказалось, что подарок мой был украден; посылая второй экземпляр, поэт просил возобновить на нем надпись. Книгу я отправил Блоку через день...» (РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед.хр. 238). А вот как об этом писал Садовскому сам Блок (в письме, которое, собственно, и открывает его переписку с Борисом Александровичем): “До-садное происшествие: в Москве, вероятно в трамвае, я потерял сверток, в котором была и Ваша книга. Не успел прочитать даже надпись, которую Вы сделали. Позвольте просить Вас восстановить ее на экземпляре, который посылаю Вам вместе с этим письмом” [8, с. 309]. Подаренная Садовским книга находится сейчас в составе библиотеки Блока как отдельного мемориального фонда в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом); на форзаце

ленность пересылки: причина тому — неисправность артельщика. Очень рад, что Вам нравится “Позднее утро”⁴; я это предчувствовал, т.<ак> к.<ак>, при всей своей бледности, эта книжка — искренняя. На днях уезжаю домой, — отдыхать среди родных сугробов⁵, и очень хотел бы получить от Вас несколько строк с отзывом о “Камене”.

автограф: “Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку в память приятного для меня знакомства сердечно расположенный Борис Садовск<ой>. Ноябрь 1910. М.” [11, с. 225]. Через несколько дней после того, как была сделана эта примечательная записка, Садовской извещал сестру Елизавету: “Здесь был недавно поэт Блок; он очень милый парень” [12, с. 226]. “Русская Камена” — очень важная для творческого самоопределения Садовского книга. Интерес к судьбам писателей прошлого был у него очень серьезен и устойчив. С этим, в частности, была связана такая характерная черта его писательской индивидуальности, как эстетизация исторического мышления. Один из героев “Русской Камены” — Я.П. Полонский. Строки его стихотворения “Колокольчик” Садовской взял в качестве эпиграфа к своей наиболее известной книге “Самовар” (1914). Спустя 22 года после “Русской Камены”, когда жизнь расставила уже совсем иные послереволюционные акценты и, казалось бы, тяжело больному Садовскому было уже не до истории литературы, он просил поэта Б.А. Леонтьева, проживавшего в Рязани, сообщить ему нужные сведения о Полонском, биографически связанном с этим городом. Приведем строки письма Леонтьева, которые представляют интерес для филологов, тем более что никогда не публиковались (кстати, вообще тема взаимоотношений Садовского и Леонтьева еще не привлекала внимание исследователей): «К сожалению, Вашу просьбу описать состояние могилы Полонского я сейчас не могу исполнить; Вы, вероятно, знаете, что Полонский погребен в Ольговом монастыре, — это верст 14 от Рязани; за свое пребывание в Рязани (я живу здесь немногим более года) мне не пришлось быть там. В самой Рязани есть “домик Полонского”, где он жил в гимназические годы 1832—1838 гг. Если Вы не были в Рязани и не знаете этот домик, я опишу его вкратце: это одноэтажный деревянный дом; на улицу 7 окон; на фасаде прибита мраморная доска с обозначением года рождения и смерти поэта. Дом состоит из 8 комнат: две из них, выходящие окнами на улицу, довольно просторные, остальные 6 совсем небольшие; есть коридор, кухня; со стороны двери к дому примыкает открытая терраска; другая терраска (крытая) — уже более поздняя пристройка; небольшой дворик и сад, в котором — дубы, яблоня, каштаны. В доме сейчас детский сад; внутренность дома, конечно, видоизменялась и обновлялась, фасад, как мне говорили, сохранил свой прежний вид; никаких вещей, принадлежавших поэту, в доме нет (как, кстати сказать, и в Рязанских музеях), но все же я иногда люблю заглянуть туда — пережить минуты хорошей грусти» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 122. Л.1—1а).

⁴ “Позднее утро” (М.: Тип. Общества полезных книг, 1909) — сборник стихотворений Садовского, первая из изданных им книг (об оценке Блоком этого сборника см. выше, в нашей статье).

⁵ Родные сугробы — так, обобщенно-символически, Садовской характеризует свою малую родину, Нижегородчину, воспринимавшуюся им в сакральном значении “Деревня” (как оппозиция “Городу”). Для иллюстрации данного тезиса приведем фрагмент из его книги статей “Озимь” (1915), из предисловия, снабженного характерной для автора пометой “Хутор Борисовка (Садовской тож)”: “Эти строки я пишу в деревенском глухом затишье, среди занесенных снегом полей, в глубинах чистой тишины и легкого одиночества. Старорусская куль-

Сердечно Вам преданный

Борис Садовской.

2 дек. 1910.

Нижний Новгород,

Тихоновская ул., соб<ственный> д<ом> № 27.

2.

Наконец-то собрался я, уважаемый Александр Александрович, написать Вам, чтобы от всей души поблагодарить Вас за отзыв о “Камене”, очень для меня лестный⁶. Именно от Вас дорогого его слышать, как от Александра Блока, поэта *pur sang*⁷, “моцартнейшего” из Моцартов посреди современных Сальери и сальерчиков, до запала заездивших нашего российского Пегаса. Не удивляйтесь этим терминам: теперь я готовлю статью о поэзии (как я ее понимаю в ее главном) под названием “Моцарт и Сальери”; на эти два типа (пушкинские)

тура и здравый смысл — единственные ценности, принесенные мною в родные дебри” [6, с. 8].

⁶ В обстоятельном доверительном письме от 6 декабря 1910 г. Блок дал очень высокую оценку “Русской Камене”: «Эта книга настраивает душу лучше многих прекрасных стихов тем именно, что возвращает чистейшие юношеские переживания любящим поэзию, в частности — русскую. Вы как бы нашли фарватер среди мелей истории литературы и литературной истории. Для этого мало любви к истории только или любви к архивам и библиографии, но необходима живая любовь. Потому я думаю, что Ваша книга, при всей своей целомудренной сдержанности (или, скорее, именно потому, что она этим целомудрием исполнена), — входит прямо в жизнь; оценки Ваши в большинстве случаев должны стать “классическими”. Меня эта книга и научила, и вдохновила, и многое мне напомнила. <...> Очень запоминаются отдельные афоризмы и замечания (аналитически-острые)...» [13, с. 322]. Современники заметили книгу Садовского, откликов на нее, в целом сочувственных, похвальных (за исключением, пожалуй, статьи Д.В. Философова), было немало. Но именно оценка Блока выделялась, она была самой значительной: он указал на “классичность” суждений Садовского. Интересна публикационная история письма Блока. Его рукописную копию Садовской вместе с копиями же писем к нему В.Я. Брюсова и В.В. Розанова, а также машинописную “Солдатской сказки” предложил, с целью публикации, редактору журнала “Новая Россия” И.Г. Лежневу, который из двух текстов, имеющих отношение к Блоку, остановил свое внимание на “Солдатской сказке”. И напечатал ее — мистификацию! — а подлинный текст — письмо к Садовскому — отверг как якобы не имеющий “общего характера” [РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1 Ед.хр. 83. Л. 2об.]. Да, понимаем, разгадать тогда мистификацию было непросто, но вот письмо-то как раз обладало “общим характером”. Оно интересно, содержательно, концептуально; и в блоковском эпистолярии это важный документ. Впервые это письмо было напечатано В.Н. Орловым в 1937 г. в “Литературном наследстве” (том 27—28). И вплоть до 1981 г. (когда состоялась публикация В.П. Коршуновой в том же “Литературном наследстве”) только оно одно из всех блоковских писем к Садовскому (а их немало — 15) печаталось в советских изданиях.

⁷ Чистокровный, настоящий (*франц.*).

испокон веков делились и делятся, по моему мнению, все без исключения художники⁸.

Вы поставили под знаком вопроса гениальность веневитиновских задатков; вполне с Вами соглашаюсь, но дело в том, что статья о Веневитинове писалась еще пять лет назад и мне в значительной степени теперь чужда⁹. Но всего приятнее мне в Вашем отзыве то, что Вы поняли и оценили “злобу” последних страниц.¹⁰

Не отвечал я Вам так долго потому что, попав в Нижний, где все полно для меня юношеских воспоминаний, сразу отрешился от чернил и книги; все время танцевал на губернских балах, которых предстоит еще немало, ухаживал, посещал дворянские выборы, прошедшие, впрочем, в этом году довольно бледно, и наслаждался прелестями домашней кухни. Но смутное сознание неисполненного долга вызвало меня написать Вам в надежде, что Вы великодушно извините мою медленность и продолжите приятную для меня письменную беседу с Вами.

После 15-го января буду в Петербурге и надеюсь лично доставить Вам новую мою книгу “Узор чугунный”¹¹. А пока сердечно поздравляю Вас с Рождеством и наступающим Новым Годом.

⁸ Упомянутую статью, которая получит название “О сальеризме”, Садовской опубликует в журнале “Труды и дни” (1914. № 7), а в 1915 г. включит в свой сборник “Озимь”. Данная статья завершается следующим тезисом: «В наши дни титул “моцартейшего” по справедливости должен принадлежать достойному преемнику Фета высокоталантливому А. Блоку» [6, с. 17].

⁹ Как представляется, это все-таки слишком категоричное суждение. Уроки жизненной и творческой судьбы Веневитинова были и в дальнейшем значимы для Садовского. Так, отзыв о нем мы находим в концепции образа главного героя одного из его послереволюционных романов.

¹⁰ Блок в дневнике от 27 декабря 1911 г. так высказался о своем несогласии с позицией поэта Ю. Верховского, резко критически отнесшегося к “Русской Камне”: “...не принята во внимание злоба Садовского, в которой есть творческое...” [14, с. 111].

¹¹ “Узор чугунный” (М.: Альциона, 1911) — первая книга исторической прозы Садовского. Из откликов критики отметим суждение З.Н. Гиппиус, выступавшей под псевдонимом Антон Крайний: «...мне хочется упомянуть об одной очень хорошей книге, по своему хорошей, ничуть не похожей на “Деревню” Бунина <в статье-обзоре сборник Садовского рассматривается, в частности, вместе с бунинской повестью и, по сути, ставится на один уровень с ней, что уже является высокой аттестацией нашего автора. — Ю.И.>. Это — “Узор чугунный” Бориса Садовского. Не могу сказать, чтобы я был вообще поклонником писателя: в критических работах своих он особенно узок, подчас неловок, а спорен всегда; но как раз эта узость придает очарование его рассказам, собранным в книжке. Все рассказы — стилизация начала XIX в., притом стилизация такая любовная, с таким прикидыванием к эпохе, что уже ничего, кроме данного, от автора и требовать не хочется, — ни сюжета, ни личного творчества. Лучшие рассказы — те, где автора почти совсем не видно. Например, “Из бумаг князя Г.”. Это даже не рассказ, это

Ваш Борис Садовской

25 декабря 1910 г.

Нижний Новгород,

Тихоновская, собств.<енный> д.<ом> № 27.

3.

Дорогой и уважаемый Александр Александрович!

Все откладывал благодарить Вас за Вашу книгу¹²; хотелось сперва настроиться так, чтобы прочесть ее всю как следует, а уж потом высказать свои впечатления. Но настройство души, потребное для чтения стихов, у меня все никак не налаживается, тем более, что сам я занят теперь писанием романа¹³. Да и что говорить? В Вашей книге есть ценности, говорящие сами за себя, как жемчужины, а, восхваляя жемчуг, покажешь только свою самонадеянность, ценности же ему не прибавишь. Лично я люблю у Вас особенно: “Я вышел в ночь — узнать, понять...”, “Дома растут, как желанья...”, “Царица смотрела заставки...”, “Вот они, белые звуки...”, “Бегут неверные дневные тени...”, “День был нежно-серый, серый, как тоска...”, “По берегу плелся больной человек...” В печати и в публике будут, вероятно, порицать Вас за помещение в книге юношеских стихотворений, но тут Вы поступили, по-моему, совершенно правильно. Поэт не только пишет, но и издает стихи прежде всего для самого себя <подчеркнуто автором. — Ю.И.>, и важно в этом случае не художественное достоинство отдельно взятых стихотворений, а то, насколько (опять-таки для поэта важно) верно все они представляют картину пережитого и претворенного

собрание писем, отрывков, документов, — им просто хочется верить, как подлинным. Гораздо слабее “Петербургская ворожея”. Фигура Пушкина сделана не без банальности; вообще известные исторические лица... не то что не удаются автору, а не удается ему осветить их с особой, новой стороны. Зато от какого-нибудь “письма кузины” пахнет остро, забыто, мило, — словно из раскрытой бабушкиной шкатулки. Издана книжка тоже с большой любовью. Украшения “Емвелем и Символом” (изд. 1811 г.) идут к ней удивительно. Среди последних книг, толстых и тонких, безграмотных и грамотных <...> — “Узор чугунный” — точно кусок драгоценной материи в куче грязных ситцевых тряпок. Он даст тихое отдохновение и невинную, праведную отраду» (Русская мысль. 1911. № 6. С. 19–20 [15, с. 388]). В библиотеке Блока “Узор чугунный” сохранился с дарственной автора: “Александру Александровичу Блоку с уважением и любовью. Борис Садовск<ой>. 14 апреля 1911. СПб.” [11, с. 226].

¹² Первый том лирической трилогии Блока, которому автор дал название своего первого поэтического сборника — “Стихи о Прекрасной Даме”. Этот том выпущен издательством “Музагет” в 1911 году.

¹³ Упомянутый роман — “Княгиня Зенеида”. Напечатан в журнале “Русская мысль” в 1913 г. (№ 1–2). Отдельным изданием, под названием “Лебединые клики”, он вышел в 1915 г.

в звуки. Это — фотографический альбом мгновений, в целом определяющий личность¹⁴. Личность же поэта я ставлю выше творчества, если только последнее не опустошает души и не является болезненной операцией, когда приходится вырезать из себя пережитое, как рак из груди.

Боюсь, что письмо это уже не застанет Вас в Петербурге. Сейчас я у себя в деревне (адрес — нижегородский), а недели через три (встретив землянику) думаю поехать на Кавказ, а оттуда в Крым. Жизнь на курорте имеет для меня необычайную прелесть в известные моменты, а в Кисловодске нарзан чувствуется в самом воздухе.

Мой привет глубокоуважаемой Любви Дмитриевне. Не забывайте сердечно преданного Вам Бориса Садовского.

2 июня 1911.

Щербинка¹⁵.

4.

Душевноуважаемый Александр Александрович!

Только было собрался послать Вам экземпляр “Ночных часов”¹⁶ с просьбой сделать надпись, как получаю вдруг Ваш дорогой подарок. Спасибо, что не забываете меня.

Хвалить “Ночные часы” было бы слишком банально. В прозе слов таких нет, какими можно было бы определить суть Вашей поэзии.

Если поймешь — благо тебе¹⁷.

¹⁴ Садовской здесь выражает согласие с идеей Блока, которой тот руководствовался при составлении своей трилогии: «Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующие книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое стихотворение необходимо для образования главы; из нескольких глав составляется книга; каждая книга есть часть трилогии; всю трилогию я могу назвать “романом в стихах”: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни» [16, с. 559].

¹⁵ Щербинка — деревня неподалеку от Нижнего Новгорода, по дороге на Арзамас. В Щербинке было родовое имение Садовских. Борис Александрович любил там проводить летнее время. Многие его произведения помечены в печати местом написания — “Щербинка”, в частности роман “Княгиня Зенеида”. В 1947 г. деревня вошла в состав Нижнего Новгорода; в настоящее время это микрорайон Щербинки, застроенный многоэтажными домами.

¹⁶ “Ночные часы” (М.: Мусагет, 1911) — четвертый сборник стихов Блока. Экземпляр этой книги с дарственной надписью — “Борису Александровичу Садовскому с сердечным приветом. Ал. Блок. Ноябрь 1911” [17, с. 42] — сохранился в собрании библиофила-коллекционера М.С. Лесмана. Судьба других книг Блока, подаренных им Садовскому, не известна: в послереволюционный период тот, страшно нуждаясь, распродал свою библиотеку.

¹⁷ Строка из стихотворения З.Н. Гиппиус. Вот, в частности, как она приводится в дореволюционной статье критика М.Л. Гоф-

мане: «...две раздельные стороны своей души, два своих лика, Гиппиус принимает за один, и если ей еще в 95-м году “мудрый Соблазнитель” казался “непонятым Учителем Великой Красоты”, то в 901 году “Божия правда и Божий обман” ей кажутся уже полюсами, которые суть одно и то же: “Небо — вверху; небо — внизу. / Звезды — вверху; звезды — внизу. / Все, что вверху, то и внизу. / Если поймешь, — благо тебе”» [18, с. 242].

Данное суждение, очень резкое, крайне пристрастное, станет основным тезисом рецензии Садовского на сборник Н.С. Гумилева “Чужое небо” (1912). Гумилев в своих оценках творчества Садовского был сдержаннее, объективнее; хоть и не увидел у него большого таланта, с похвалой написал о действительно присущем Борису Александровичу — традиционализме, способности создавать эстетические ценности, идя дорогой, проложенной классиками: “В роли конквистадоров, завоевателей, наполняющих сокровищницу поэзии золотыми слитками и алмазными диадемами, Борис Садовской, конечно, не годится, но из него вышел недурной колонист в уже покоренных и расчищенных областях” [19, с. 86]. В 1915 г. Гумилев предполагал включить Садовского в “Антологию современной прозы” наряду с признанными мастерами — Сологубом, Брюсовым, Буниным, Л. Андреевым, Кузминым, А. Белым... Садовской в своих “Записках” в 1920-х гг. отмечал: “Н.С. Гумилев в литературе был мой противник, но встречались мы дружелюбно” [20, с. 182]. Сохранился экземпляр сборника стихов Садовского “Пятьдесят лебедей” с дарственной надписью: “Николаю Степановичу Гумилеву, любезному моему врагу. Борис Садовской. 16 октября 1913. С.П.Б. (Нижний-Новгород, Тихоновская, с.д. № 27)” [21, с. 296]. Здесь все примечательно, вплоть до указания на нижегородский адрес автора: дескать, он крепко стоит на земле, мир его — Провинция, Деревня, вся бескрайняя Россия, в отличие от конквистадорских “чужих небес”...

Представляется символичным, что свое негативное мнение о Гумилеве Садовской сообщил именно Блоку. У того было очень сложное отношение к Гумилеву, в чем особенно убеждает статья с многоговорящим названием «“Без божества, без вдохновенья” (Цех акмеистов)» — самая последняя из статей Блока, его литературное завещание. В определенной мере здесь есть переключка с тем, что заявлял Садовской относительно “цехистов” в своих публичных выступлениях. И также, как Садовской, Блок по сути выводит Ахматову за рамки “нового” направления, считает ее, обладательницу подлинного таланта, “настоящим исключением” среди акмеистов [22, с. 178, 180].

¹⁹ Имеется в виду следующее суждение Гумилева из его рецензии на “Антологию” книгоиздательства “Мусагет” (1911), где были помещены стихотворения Блока: “Александр Блок является в полном расцвете своего таланта: достойно Байрона его царственное безумие, влитое в полнозвучный стих” [19, с. 126].

²⁰ Двумя годами ранее, на первую публикацию цикла “На поле Куликовом” в альманахе “Шиповник” (1909, № 10) Садовской откликнулся в целом отрицательно: “В стихотворениях <...> не замечается внутренней необходимости, которая оправдывала бы их появление, и, по-видимому, само Куликово поле послужило лишь внешним предлогом к написанию цикла хороших, но ненужных, каких-то беспредметных стихов” [23, с. 95]. И вот прошло время, и Садовским уже осознается истинное значение цикла, с восторгом отмечается в нем гражданственность, патриотизм, русскость.

“Не спят, не помнят”. Последнее четверостишие — гениально²¹.

Простите, что я так нагло Вас хвалю, точно пишу рецензию. В январе надеюсь увидаться с Вами в Петербурге. Прошу Вас принять и передать мой искренний привет глубокоуважаемой Любви Дмитриевне.

Преданный Вам

Борис Садовской.

9 ноября 1911.

Москва, Воздвиженка, уг. Калашного пер., Меблир.<ованные> комн.<аты>. Счастливой, № 3.

5.

Дорогой Александр Александрович!

У меня к Вам большая просьба. Не напишете ли для майской книжки “Современника”²² заметку

²¹ “Над мировую чепухую, / Над всем, чему нельзя помочь; / Звонят над шубкой меховой, / В которой ты была в ту ночь” [7, с. 89]. Вот как комментировал это стихотворение В.Н. Орлов: “Ты — Л. Д. Блок. *Та ночь* — ночь с 7 на 8 ноября 1902 г., когда произошло решительное объяснение Блока с будущей женой” [7, с. 23].

²² “Современник” — “ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни”, издавался в Петербурге в 1911—1915 гг. С марта 1912 г., по приглашению редактора Е.А. Ляцкого, Садовской заведовал литературным отделом журнала. Однако взаимоотношения с Ляцким не сложились, и в том же 1912 г. Садовской покинул “Современник”. Позднее в “Записках” он весьма пристрастно, в шаржированном духе, написал о сотрудничестве с Ляцким: «Журналом заправлял литератор, по прозвищу Дутик, свежий петербуржец с русой бородкой. Он кончил Московский университет с золотой медалью у одного либерального профессора; в кабинете у Дутика красовалась группа: сам профессор, два ассистента и Дутик, с горделиво-победоносным видом, в студенческом сюртуке, точно с чужого плеча. Женился он на зрелой дочери известного академика и начал делать карьеру. Дутик плохо владел пером и хотя, с помощью тестя, устроился в одном почтенном журнале, однако, скоро был изгнан за пасквильную статейку о символистах. Дутик не потерялся. За сходную цену начал он подыскивать молодых писателей, заказывал им статьи и печатал под своим именем. Дело пошло на лад. Дутик затеял даже собственное издательство с хорошенькой секретаршей-казачкой; наконец, задумал вести журнал. <...> С Дутиком у нас ничего не вышло. Из редактора он меня превратил в корректора. Не разгибая спины я сидел над гранками или должен был ездить в типографию. Из статьи Блока о Стриндберге Дутик хотел выбросить половину; с трудом я уладил дело. Стихов Городецкого он не принял вовсе. Мои собственные статьи поступали на рассмотрение к глухому кудрявому журналисту. Я, однако, не поддавался. Дутик, видя, что со мной каши не сварить, начал хитрить и класть мне палки в колеса. Отказы авторам отсылались от моего лица, положительные ответы шли от Дутика. Я нажил этим кучу врагов. <...> Он готовил общедоступные издания русских классиков и хотел поручить это дело мне, оставив для себя барыши и славу. Я решил развязаться с ним. Предлог нашелся. Одна престарелая народница прислала в редакцию роман, не помню “Сухари”

о Стриндберге²³? Размер, — какой Вам угодно. Сроку неделя, т.е., к 10-му мая. Очень Вас прошу об этом.

Было бы еще лучше, если бы в среду, 9-го, от 4-х до 5-ти, пожаловали бы Вы в редакцию и сами принесли заметку.

Не отказывайтесь же, Александр Александрович. Дайте мне и стихов; вот “Мертвеца”²⁴ дайте, если не жалко. Во всяком случае, надеюсь в среду видеть Вас в редакции (Садовая, 48).

Сердечный привет уважаемой Любви Дмитриевне.

Ваш Борис Садовской.

2 мая 1912.

С.П. Б.

Екатерингофск<ий> пр., д. 8, кв. 10.

(На письме помета Блока: “З.В. Ответил, что постараюсь”)

6.

Дорогой Александр Александрович!

Мне все-таки не хочется уезжать²⁵, не сказав Вам несколько слов, хотя бы на бумаге. В моей жизни наступает некий перелом; в нем Ваша поэзия, а также статья 1910 г. в “Аполлоне”²⁶ име-

или “Крендели”, около пуда весом. Дутик предложил мне разбить это чудовище на главы. Я отказался и получил предложение “отдохнуть” [20, с. 169—172].

²³ Статья Блока “Памяти Августа Стриндберга” была напечатана в № 5 “Современника” за 1912 г.

²⁴ Стихотворение “Как тяжело мертвецу среди людей...” опубликовано в № 11 за 1912 г. В упоминавшемся выше мемуарном очерке 1946 г. Садовской приводит такой факт из творческой истории этого стихотворения:

«Сильнейшее впечатление оставил во мне “Мертвец”:

Как тяжело мертвецу среди людей

Живым и страстным притворяться!

— Не выходит у меня последний стих. Как лучше по-вашему: кости звякают о кости или кости брякают о кости?

— Ни то, ни другое. Я бы поставил “лязгают”.

Блок промолчал, однако в печатном тексте значится предложенный мною вариант» [2, с. 55—56].

²⁵ Летом 1912 г. Садовской проходил курс лечения в Пятигорске. Его начали серьезно беспокоить симптомы опаснейшего заболевания (спинной сухотки), осложнившегося в 1916 г. параличом. Блок, ранее узнавший от общего знакомого о болезни Садовского, писал ему 17 июня 1912 г.: “...очень Вам сочувствую и очень желаю, чтобы это оказалось мнительностью, а если нет, то чтобы скорей прошло” [8, 311].

²⁶ “О современном состоянии русского символизма” (Аполлон. 1910. № 8). Статья представляет собой текст доклада, с которым Блок выступил 8 апреля 1910 г. на заседании “Общества ревнителей художественного слова” при журнале “Аполлон” в порядке отклика на доклад Вячеслава Иванова “Заветы символизма”. Блок поддержал и развил тезис Иванова об эволюции

ли большое значение. И кое-что, уезжая, может быть, надолго, хотел я Вам сказать и посоветоваться кое о чем. Но это обойдется и так. Смущает меня также, что Вы видите, пожалуй, в моем “черносотенстве”²⁷ не то, чем оно есть на деле. В сущности, это ведь романтизм (если не донкихотское рыцарство, от которого у меня первого могут зубы вылететь), — и романтизм настолько же безобидный для общего порядка вещей, как и Ваша “Незнакомка”.

Хотя, признаюсь Вам откровенно: за мое короткое пребывание в высоколиберальном “Современнике”, в самой гуще “борцов и стражей” свободы, я не мог не поправить в самом определенном смысле. Плеве-покойник — щенок перед Водовозовым, а в сравнении с Ляцким, ей-богу, Азеф может показаться маркизом Позой²⁸.

В общем же, чувствую себя занесшим ногу на какой-то невидимый и неизвестный берег. И в эти

русского символизма по принципу философской триады (тезис — антитезис — синтез) и, также, по примеру Иванова, соотнос с ней собственный творческий путь; все это стало для него в дальнейшем отправной точкой при формировании и издании корпуса своей лирики как трехкнижия, “трилогии вочеловечения” [13, с. 344]. Вот строки из статьи Блока, несомненно, особенно затронувшие Садовского: “Мы пережили безумие иных миров, преждевременно потребовав чуда; то же произошло ведь и с народной душой: она прежде срока потребовала чуда, и ее испепелили лиловые миры революции. Но есть неистребимое в душе — там, где она младенец. <...> ...путь к подвигу, которого требует наше служение, есть — прежде всего — ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета. Должно учиться вновь у мира и у того младенца, который живет еще в сожженной душе” [24, с. 435, 436]. Садовской, сокровенно воспринявший блоковский опыт и блоковские заветы, пережил и выстрадал свои “тезу” и “антитезу” и страстно жаждал “синтеза”; все это найдет яркое воплощение в его острополюмических книгах статей “Озимь” (1915) и “Лелоход” (1916).

²⁷ Монархисту Садовскому были свойственны резкие, порой крайне категоричные суждения, что соответствующим образом отражалось на его общественной репутации. Однако друзья Садовского, люди, близкие ему, понимающие его, умели отделять зерна от плевел, — уважали и ценили его за прямоту, искренность, честность, человечность. “Те, кто знал его хорошо и близко, навсегда сберегут о нем память самую дружескую, самую любовную”, — отмечал В.Ф. Ходасевич в очерке “Памяти Б.А. Садовского” (1952) [25, с. 314]. Блок, хоть и не входил в круг друзей Садовского, но всегда с неизменной симпатией и душевным участием относился к нему — и как к человеку, и как литератору, чему свидетельством его письма и дневниковые записи.

²⁸ Маркиз Поза — персонаж драмы Шиллера “Дон Карлос”. Плэве В.К. (1846—1904) — российский государственный деятель, сенатор, статс-секретарь, действительный тайный советник, убит студентом Е. Созоновым, членом террористической группы, которой руководил Евно Азеф (1869—1918), один из руководителей партии эсеров и одновременно секретный сотрудник департамента полиции. Водовозов В.В. (1864—1933) — публицист, юрист, экономист; в 1911—1913 гг. — член редакции журнала “Современник”.

трудные и мучительные минуты меня неудержимо тянуло к Вам.

До свидания, дорогой Александр Александрович; желаю Вам человеческого счастья и душевного мира²⁹.

Ваш Борис Садовской

19 июня 1912.

С.П. Б.

P.S. Передайте, пожалуйста, Княжнину через Пяста³⁰, что стихи его в “Современнике” не пойдут. Он может получить рукопись в конторе в любое время.

7.

Дорогой Александр Александрович!

Я к Вам с громадной просьбой. Не напишете ли о “Пятидесяти лебедях”³¹ в журнале “Северный Ежемесячник”³²? Я, кажется, Вам говорил о нем: он заменит “Всеобщ.<ий> Ежем.<есячник>”, где в прошлом году печатались Ваши стихи и был мой “Стрельчонок”³³. Я был бы несказанно счастлив прочесть Ваше мнение обо мне. Для меня это теперь (подчеркнуто автором. — Ю.И.) необычайно

²⁹ Блок был очень тронут искренностью и исповедальностью письма Садовского и посчитал важным записать в дневнике (19.06.1912 г.): “...нежное, нежное письмо бедного Б.А. Садовского, уезжающего лечиться на Кавказ” [14, с. 152].

³⁰ Пяст (наст. фамилия Пестовский) Владимир Алексеевич (1886—1940) — поэт-символист, прозаик, критик, переводчик. Княжнин (наст. фамилия Ивойлов) Владимир Николаевич (1883—1941) — поэт, критик, литературовед, библиограф.

³¹ Сборник “Пятьдесят лебедей. Стихотворения Бориса Садовского. 1909—1911” (СПб.: Огни, 1913). Из-за большой занятости Блок не смог написать рецензию.

³² Имеется в виду журнал “Северные записки”, который с января 1913 г. стала издавать С.И. Чацкина. В этом журнале будут напечатаны стихотворения Садовского, а также его повесть “Побеги жизни”.

³³ “Стрельчонок” — рассказ Садовского (Всеобщий ежемесячник. 1911. № 10). Рассказ произвел большое впечатление на Блока, он обсуждал его в дружеском кругу, о чем сделал запись в дневнике (6 ноября 1911 г.): «...Кузьмин-Караваев <...> прочел за чаем вслух последний рассказ Садовского (о Петре, очень сильно). “Пушкин, Достоевский, Мережковский — закапывают Петра. Ключевский и Садовской — первый еще бессознательно — его откапывают: лицо, а не демона. Но и не совсем так, ибо Петр — и жертва, и демон (как Чацкий). Пьяный Петр, заставляя заспанного восьмилетнего сына рубить голову стрельчонку зазубренным топором, действует и как стоящая выше окружающего или владеющая демонической силой, и как жертвенное лицо, принесшее “службу” (он еще Москва; “окно”, в которое он высунулся, — там воздух отравленный, воздух белых ночей, — а не в нем самом отравна) свою, всего себя — для будущей русской цивилизации”. В кавычках — мысли Кузьмина-Караваева, мной воспринятые, взаимное согласие» [14, с. 81—82 (курсив Блока — Ю.И.)].

важно. Ударите ли Вы меня благосклонно мечом по плечу, дадите ли мне пощечину железной перчаткой, — все равно, Вы меня посвятите в рыцари.

Сегодня я уезжаю в Москву. Заметку, если напишете (хотелось бы именно заметку, т.е. небольшую статейку, но не рецензию), посылайте до 10 дек.<абр> Софии Исааковне Чацкиной (Кирочная, 24, кв. 16).

Затем, смущаясь за свое безграничное нахальство, шлю Вам прощальный привет и желаю счастья.

Ваш Борис Садовской

15 ноября 1912³⁴.

С.П.Б.

8.

Письмо написано на бланке: “Редакция газеты “Русская молва”³⁵. Санкт-Петербург, Троицкая ул., д. № 15–17. Телефон № 121–44”

СПб., 27 дек. 1912 года.

Дорогой Александр Александрович!

Выручите: напишите что-нибудь о Некрасове: завтра его поминки³⁶. Хоть 20 строк. Но, разумеется, чем больше, тем лучше. Заметку надо доставить к 10-ти часам в редакцию. В случае согласия,

³⁴ Двумя днями ранее Садовской по приглашению Блока был у него в гостях. Об этом следующая запись в блоковском дневнике: “С 4-х часов обедает, до 10-го — Борис Александрович Садовской, значительный, четкий, странный и несчастный...” [14, с. 178–179]. Замечательная — точная, лаконичная — характеристика личности Садовского!

³⁵ Уйдя из “Современника”, Садовской принял приглашение видного деятеля партии кадетов А.В. Тырковой занять должность редактора литературного отдела новообразованной газеты “Русская молва”. Одним из стимулов для Садовского войти в штат газеты стало согласие Блока сотрудничать с ней. Однако и с “Русской молвой” у Садовского не заладилось, что в общем-то закономерно при его монархических убеждениях. В “Записках” он так излагает этот эпизод своей биографии: «В Петербурге открылась новая большая газета. Устроили меня туда Блок и Ремизов. <...> 9 декабря 1912 г. состоялся в редакции раут с шампанским. Говорились речи. Особенно жарко витийствовал один адвокат, брат министра. Он говорил о правде и добре, горячился о меньшем брате, а я, слушая красноречивого оратора, вспоминал рассказ одного мускетера о нем самом. Вития гостил в деревне у старой тетки. Старуха была очень религиозна. Чтобы подшутить над ней, адвокат обучил свою собаку креститься, сидя на задних лапах. Главным редактором газеты был заслуженный приват-доцент, по прозвищу Ферфичкин <и опять показательно: автор удостаивает редактора С.А. Адрианова лишь прозвищем. — Ю.И.>. Сморщенный и плюгавый, он никогда не смотрел в глаза. Ферфичкин лет десять назад, по заказу министра Плеве, написал “Историю министерства внутренних дел” и получил награду, но после 1905 года счел за лучшее переменить свои взгляды. Он сплошь браковал подобранных мной сотрудников <...> Через месяц я уволился» [20, с. 172].

³⁶ 35 лет со дня смерти Н.А. Некрасова.

скажите посланному, чтобы пришел к Вам в назначенное время, т.е. около 9½ час. Очень прошу.

Ваш Садовской

P.S. Ответ адресуйте на имя Адрианова, так же, как и статью.

9.

Дорогой Александр Александрович!

“Галатея”³⁷ готова и ждет Вашего благословения. Присылайте мне стихи — все равно, какие, — хотя бы четверостишие: важно начать ими первый номер.

На Масленице (даже раньше) я покидаю Питер до Пасхи.

Привет Любове Дмитриевне.

Ваш сердечно

Борис Садовской

29 янв. 1913.

СПб.

Херсонская, 23, 5

(На письме помета Блока: «Ответ<ил> 29 I, посл.<ал> стих.<отворение> “Вяч. Иванову”³⁸»)

10.

Дорогой Александр Александрович!

Еще раз перед отъездом хочется сказать Вам “до свидания”.

Всего, всего лучшего!

Ваш Бор. Садовской

18 февр. 1913. СПб.

(День кончины Импер.<атора> Николая Павловича³⁹).

³⁷ Литературный альманах (журнал), который Садовской планировал издавать в Петербурге. В состав редколлегии включались М.А. Долинов, А.А. Конге, А.И. Тиняков. Вот какая информация на этот счет прошла в столичной прессе: «В противовес литературному течению “Акме” организовался литературный кружок “Галатея”, цель которого — отстаивать интересы символизма. Кружок предполагает издавать журнал, редактировать который будет Борис Садовской» (Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. СПб.1913. № 5. Май. С. 2 [26, с. 218]). К сотрудничеству в “Галатее” Садовской, помимо Блока, рассчитывал привлечь В.Я. Брюсова, А.М. Ремизова, Л.Н. Столицу, В.Ф. Ходасевича и других писателей. Однако из-за внутриредакционных разногласий “Галатея” не состоялась, не вышло ни одного номера.

³⁸ Стихотворение Блока “Вячеславу Иванову” (“Был скрипок вой в разгаре бала...”).

³⁹ Императора Николая I монархист Садовской почитал особо. Посвятил ему немало восторженных строк. Даже в советские годы его портрет украшал жилище Садовского. В 1916 г.

(Далее в фонде писем Садовского — его визитная карточка, с пометкой Блока “Пасха 1913”)

11.

Дорогой Александр Александрович!

Насилу собрался поблагодарить Вас за карточку, доставившую мне живейшее удовольствие: ведь живого я не видел Вас без малого год.

Еду 1-го в Нижний, где пробуду недели 2, а потом соберусь в Петербург.

Скоро пошлю Вам новый сборник моих стихов⁴⁰ и очень буду ждать Вашего мнения на его счет.

Нельзя ли мне получить gratis⁴¹ 2-ю книгу “Сирин”⁴²? 1-ю мне дал А.М. Ремизов.

Привет Любви Дмитриевне. Не забывают, дорогой Александр Александрович, искренно любящего Вас

Бориса Садовского.

27 Января 1914.

(День дуэли Пушкина)⁴³.

Москва.

Адрес с 1-го февр. нижегородский.

12.

(Письмо написано карандашом)

Дорогой Александр Александрович!

Спасибо за теплое письмо⁴⁴ и за готовность помочь. Сегодня я написал Лунач.<арскому>

он так писал отцу в Нижний Новгород: “...прошу тебя посмотреть, прочно ли висит у меня над столом портрет Николая I (в красках) и, если можно, приколотить еще снизу гвоздик. А то во время предпраздничной уборки его могут сшибить и попортить” (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед.хр. 277. Л. 141).

⁴⁰ Сборник стихотворений “Самовар” (М.: Альциона, 1914), ставший самой известной из всех книг Садовского.

⁴¹ Gratis (лат.) — даром, безвозмездно.

⁴² Сирин. Сборники 1—3. СПб., 1913—1914. В сборниках публиковались произведения А. Блока, А. Белого, В. Брюсова, А. Ремизова, З. Гиппиус, В. Иванова, В. Пяста, Ф. Сологуба.

⁴³ В этот пушкинский день Садовской посылает Блоку свою фотографию, где он в цилиндре и с тростью, как денди пушкинской эпохи.

⁴⁴ Блок ответил на письмо Садовского от 20 марта 1921 г. Поскольку это письмо было ранее опубликовано С.В. Шумихиным, мы приводим его здесь в примечании, оно очень важное: “Дорогой Александр Александрович! В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружелюбных отношений и зная всегдашнюю Вашу доброту, решаюсь просить Вашей помощи и содействия в крайне важном для меня деле. Я тяжело, неизлечимо болен. У меня сухотка. Четыре года лежал я пластом, живым трупом. Теперь мне настолько лучше, что я хоть карандашом, но могу писать и двигаться с костылем по комнате (одну ногу

от себя. Я прошу дать мне командировку от Ком.<иссариата> Нар.<одного> Пр.<освещения> и разрешения выехать с женой.

Сын мой останется в России заложником до моего возвращения.

Думаю, что такая комбинация возможна. В письме я ссылаюсь на Вас, а теперь еще раз усердно прошу поддержать меня в глазах Лун.<ачарского> и написать ему от себя.

Простите.

Ваш Б. Садовской

26 апр.

1921

Н.<ижний>.

P.S. Не откажите ответить.

* * *

Послесловие

После 27 января 1914 г. и вплоть до 1921 г. писем Садовского к Блоку, судя по архивному фонду РГАЛИ, не было. Но общение продолжалось — книгами с дарственными надписями — сборниками стихов “Самовар”, “Полдень” (Пг.: Лукоморье, 1915; с традиционной, символически-приуроченной датой: “Дорогому Александру Александровичу Блоку с любовью от Садовск.<ого> 21 ноября 1915 (Годовщина смерти Фета)” [17, с. 225]), “Обитель

я сломал в бедре). Утешаюсь тем, что Гейне было еще хуже. Бог послал мне духовное возрождение и мир совести. Но об этом писать нельзя и не надо. Доктора меня посылают за границу, а у меня ни связей, ни денег. Вы, конечно, знакомы с Луначарским: замолвите ему за меня словечко. Мне нужен пропуск и немного золота. Последнего я прошу не даром. Пусть Лунач.<арский> даст мне какое-нибудь поручение литературного характера и назначит мне содержание хоть на полгода. Вы меня знаете с хорошей стороны, и смело можете за меня ручаться, а я все исполню в лучшем виде. Наконец, поправившись, я постараюсь поработать дома пером и, м.<ожет> б.<ыть>, окажусь полезным как историк литературы. От политики я далек, к физик.<ескому> труду неспособен. И от выезда моего за границу Россия ничего не потеряет. Я думаю, что если Вы все это изложите сами Лунач.<арскому>, он с Вами согласится. Со своей стороны, я обращусь к нему с письмом, но прежде хотел бы получить от Вас ответ. Т.<ак> к.<ак> один я ехать не могу, то буду просить дать мне провожатых — моего двоюродного брата Я.А. Громова и его жену. Громов податель сего письма. Они же могут исполнять при мне секретарские обязанности. Деньги у них есть, надо лишь пропуск. Оба они нигде не служат, живут в деревне. Что Вы скажете по этому поводу? Как посоветуете, так и сделаю. Только ради Бога помогите, дорогой Ал.<ександр> Ал.<ександрович>. Мне хочется жить. А в этом климате и без пищи я через год умру. Сделайте, что можно, а я и мой сын всю жизнь будем за Вас молиться. Ваш Бор. Садовской. 20 марта 1921. Нижний. Тихоновская, 27. Кланяюсь Любви Дмитриевне. P.S. Лечиться посылают меня в Меран, близ Вены” [10].

смерти” (М.: Тип. “Нижегород. печатное дело”, 1917), сборниками острополюмической критической прозы “Озимь” (Пг.: Тип. “Сириус”, 1915), “Ледоход” (Пг.: Тип. “Сириус”, 1916). Были также три письма Блока (от 30 января 1914 г., 14 марта 1915 г., 22 ноября 1915 г.) — с благодарностью за подаренные фотографии (“...портрет хороший; только на нем Вы печальный и больной; смотря на него, я чувствовал к Вам нежность” [8, с. 313]) и книги и с очень важным для автора отзывом об “Озиме”.

И вот 1921-й... Чтобы наш читатель лучше понимал психологическое и физическое состояние Садовского, напомним о себе Блоку, приведем некоторые факты. В предреволюционную пору болезнь окончательно сокрушила Садовского, положение стало критическим, чему свидетельством поразительные по прямоте и обреченности строки писем домой, в Нижний: “Милые папа и мама, не обижайтесь, что редко пишу: руки совсем уже отнялись, а теперь то же самое начинается с ногами. Время провожу больше в постели. В случае чего прошу сжечь все мои бумаги, переписку и дневники. Пожалуйста”; “Здоровье хуже с каждым часом. Не знаю, доеду ли один <в родной Нижний: больше ему уже ничего не оставалось — Ю.И.>. Очень хотелось бы умереть” (29.11.1915 и 23.09.1916)⁴⁵. А спустя год после октябрьского переворота из Нижнего уходит письмо Андрею Белому — дряхлые каракули едва владеющего рукой калеки (пораженные параличом пальцы с трудом удерживают лишь карандаш) — потрясающий документ времени: “Вот уже более 5 лет терзает меня *tabes dorsalis*. Усиление этой болезни совпало с кровавыми и разрушительными ужасами последнего двухлетия и, в общем, превратило жизнь мою в кошмарную пытку. <...> ...за это время пережил я огромный духовный кризис. Очутившись глаз на глаз со своею внутреннею пустотой и вырванный из условий прежней внешней жизни, я стал искать спасения у мудрецов. Кант помог мне мало, а Шопенгауэр сделал то, что меня дважды вынимали из петли. Жажда смерти особенно мучила меня последнее время, и только в силу случайности я остался жив. Пытался я прибегнуть к религии, но православие после 27 февраля 1917 г. мне стало чуждо, а припасть к ногам Христа прямо от себя я не могу и не смею. <...> ...Ваше слово хочу услышать обо мне. Мой страшный опыт дает мне на это право. Есмь ли я умершее для жизни зерно или погибшая душа, заживо обреченная геенне? Катарсис ли все это, или только смерть? Врачи определили у меня круговое помешательство (циклотимию)” [27, с. 39].

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед.хр. 277. Л. 133, 153.

Катарсис ли?.. Хотелось, очень хотелось верить... Ведь еще только полжизни прожито!

...И вот обращение за помощью к Блоку, авторитет которого тогда в литературном мире советской России был неоспорим. Письмо очень доверительное, апеллирующее к “десятилетним, не омраченным ничем дружелюбным отношениям” и “всегдашней доброте” адресата. Из тактических соображений Садовской скрыл правду о жене и сыне (брак оказался крайне неудачным, уже через год, в 1910 г., он разошелся с женой, обожаемый им сын остался с матерью; в Гражданскую оба они пропали без вести где-то на юге России), выразил надежду, что Наркомат народного просвещения в лице А.В. Луначарского окажет содействие в заграничном лечении, причем — и это поразительная мотивация в пору, когда новая власть легко избавлялась от интеллигенции, — “не даром”: просящий может быть полезен как писатель, историк литературы. Блок письмом от 9 апреля 1921 года извещал Садовского, что постарается сделать все, что в его силах, постарается устроить — так будет надежнее — прошение к наркому просвещения не от себя лично, а от Союза писателей, но при этом не скрыл скепсиса относительно всех этих действий: “Только, по моему впечатлению, из этого не выйдет толку: <...> двух или трех человек могут не выпустить (вероятно, не в Луначарском деле, который едва ли будет против, а в людях более жестких и тупых)...”⁴⁶

Толку действительно не вышло. В конце мая Садовской получил от Луначарского отрицательный ответ: “К сожалению, никаких командировок Комиссариат народного просвещения за границу не дает. Исключение составляют ученые, рекомендуемые крупнейшими учеными обществами и едущие по специальным государственным делам. Так же точно отпуска Вам без командировки Народный комиссариат по просвещению не может дать. Количество лиц, отпускаемых за границу, сейчас ничтожно. По болезни можно ехать только через Наркомздрав. Об отпуске валюты на личные командировки не может быть и речи, т.<ак> к.<ак> ее не хватает даже на самые вопиющие государственные нужды”⁴⁷.

Свое письмо Садовскому Блок заключил символической, как показали дальнейшие события, обмолвкой о себе: “...и мне тоже не сладко, просто задыхаюсь иногда”. Он не ответил на последующее

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 19. Набранные курсивом слова были вырезаны цензурой в публикации писем Блока к Садовскому в “Литературном наследстве” 1981 г.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед.хр. 15. Л. 1.

письмо Садовского, на ждущее “не откажите ответить”. Не написал больше ни строчки ему. Не мог... Сам был под бременем тяжелой болезни, еще более тяжелой, чем у Садовского. И ему требовалось заграничное лечение. Увы, все случилось в соответствии с его же собственным предостережением нижегородскому корреспонденту относительно *более жестоких и тупых*: как раз они-то и воспрепятствовали в этом Блоку. Зловещую роль тут сыграл такой вот вердикт начальника Особого отдела ВЧК В.Р. Менжинского: “Блок натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит...” [28]. После долгой бюрократической переписки: *выпускать — не выпускать*, — было принято, наконец-то, положительное решение (иначе стыд: большевики умертвили великого поэта, принявшего революцию!), но было уже поздно. 7 августа 1921 года Блока не стало.

Садовскому посчастливилось выжить и уберечь себя как творческую личность. Образ Блока занял прочное место в его памяти. Но, как известно, у посмертной памяти свои законы. Блок стал главным стимулом литературных мистификаций Садовского (и прежде всего “Солдатской сказки”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изумрудов Ю.А. “Блоковская” мистификация Бориса Садовского “Солдатская сказка” // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 199–204.
2. Садовской Б.А. Встречи с Блоком // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980. С. 46–57.
3. Изумрудов Ю.А. Апокалипсис Б. Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4(1). С. 393–397.
4. Изумрудов Ю.А. Большевизм и интеллигенция в интерпретации Бориса Садовского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(1). С. 335–340.
5. Ахматова А.А. “Узнают голос мой...”: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 544 с.
6. Садовской Б.А. Озимь: Статьи о русской поэзии. К. Бальмонт. А. Блок. В. Брюсов. И. Северянин. Футуристы. Пг.: Тип. “Сириус”, 1915. 48 с.
7. Блок А.А. Собр. сочинений: В 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 717 с.
8. Переписка А.А. Блока с Б.А. Садовским / Предисл., публ. и коммент. В.П. Коршуновой // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М.: Наука, 1981. С. 309–314.
9. Садовской Б.А. А.А. Фет // Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. С. 379–384.
10. Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому. 1921–1922: Влюбленные в Фета / Вступ. статья, публикация и примеч. С.В. Шумихина // Наше наследие. 2007. № 83–84; 2008. № 85 (электронный ресурс: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00700.php).
11. Библиотека А.А. Блока. Описание: В 3 кн. Кн. 2. Л.: Библиотека АН СССР, 1985. 416 с.
12. Изумрудов Ю.А. Историко-литературный и биографический комментарий к письму Б.А. Садовского Е.А. Садовской // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 224–232.
13. Блок А.А. Собр. сочинений: В 8 т. Т. 8. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 771 с.
14. Блок А.А. Собр. сочинений: В 8 т. Т. 7. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. 544 с.
15. Гиппиус З.Н. Собр. сочинений: [В 15 т.]. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М.: Русская книга, 2003. 528 с.
16. Блок А.А. Собр. сочинений: В 8 т. Т. 1. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 716 с.
17. Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. 464 с.
18. Гофман М.Л. З.Н. Гиппиус // З.Н. Гиппиус: Pro et contra. Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей. Антология. СПб.: РХГА, 2008. С. 239–245.
19. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М.: Современник, 1990. 383 с.
20. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 1. М.: Студия “ТРИТЭ”; РИО “Российский Архив”, 1991. С. 106–183.
21. Искусство автографа. Инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиофилов: В 2 т. Т. 2 / Сост. М. Сеславинский. Москва: Бослен, 2015. 548 с.
22. Блок А.А. Собр. сочинений: В 8 т. Т. 6. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 551 с.
23. Голов И. (Садовской Б.А.). Розы без шипов // Весы. 1909. № 9. С. 95.
24. Блок А.А. Собр. сочинений: В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 799 с.
25. Ходасевич В.Ф. Собр. сочинений: В 4 т. Т. 4. Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Согласие, 1997. 744 с.

26. Акмеизм в критике (1913–1917) / Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабана; вступ. статья и примеч. О.А. Лекманова. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 544 с.
27. Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
28. “Он будет писать стихи против нас”. Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публикация В. Шепелева и В. Любимова // Источник. Вестник архива Президента Российской Федерации. 1995. № 2. С. 34–42.
9. Sadovskoy, B.A. A.A. Fet. *Sadovskoy B.A. Lebediniye kliki*. [Swan Calls]. Moscow, 1990, pp. 379–384. (In Russ.)
10. *Pisma G.P. Bloka B.A. Sadovskomu. 1921–1922: Vlyubljonniye v Feta. Vstup. statja, publikatsia i primech. S.V. Shumikhina* [Letters from G.P. Blok to B.A. Sadovskoy. 1921–1922: Fell in Love with Fet. Introductory Article, Publication and Notes by S.V. Shumikhin]. *Nashe nasledie* [Our Heritage]. 2007, No 83–84; 2008, No 85. Available at: http://www.nasledie-rus.ru/red_port/00700.php (In Russ.)
11. *Biblioteka Bloka. Opisaniye: V 3 kn. Kn.3* [The Library Of A.A. Blok. Description: in 3 Vols. Vol. 2]. Leningrad, Biblioteka AN SSSR Publ., 1985. 416 p. (In Russ.)
12. Izumrudov, Yu.A. *Istoriko-literarniy i biograficheskiy kommentariy k pismu B.A. Sadovskogo E.A. Sadovskoy* [Literary, Historical and Biographical Commentary on the Letter from B.A. Sadovskoy to E.A. Sadovskaya]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2018, No 2, pp. 224–232. (In Russ.)
13. Blok, A.A. *Sobr. sochineniy: V 8 t. T. 8* [Collected Works in 8 Vols. Vol. 8]. Moscow, Leningrad, 1963. 771 p. (In Russ.)
14. Blok, A.A. *Sobr. sochineniy: V 8 t. T. 7* [Collected works in 8 Vols. Vol. 7]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1963. 544 p. (In Russ.)
15. Gippius, Z.N. *Sobr. sochineniy. T. 7. My i oni. Literaturnyi dnevnik. Publitsistika 1899–1916* [Collected Works. Vol. 7. Us and They. Literary Diary. Journalism 1899–1916 Years]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2003. 528 p. (In Russ.)
16. Blok, A.A. *Sobr. sochineniy: V 8 t. T. 1* [Collected Works in 8 Vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 716 p. (In Russ.)
17. *Knigi i rukopisi v sobranii M.S. Lesmana. Annotirovannyj catalog. Publikatsii* [Books and Manuscripts in the Collection of M.S. Lesman. Annotated Catalogue. Publications]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 464 p. (In Russ.)
18. Gofman, M.L. Z.N. Gippius. Z.N. Gippius: *Pro et contra. Lichnost i tvorchestvo Zinaidy Gippius v otsenke sovremennikov i issledovateley. Antologiya*. [Z.N. Gippius: Pro et contra. Zinaida Gippius's Personality and her Works in the Evaluation of Contemporaries and Researchers. Anthology. Russian Christian Humanities Academy]. St. Petersburg, RHGA [Russian Christian Humanities Academy] Publ., 2008, pp. 239–245 (In Russ.)
19. Gumilev, N.S. *Pisma o russkoj poesii* [Letters about Russian Poetry]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 383 p. (In Russ.)
20. Sadovskoy, B.A. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)]. *Rossijskiy Arhiv. Istoriya otechestva v svidetelstvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian Archive.

REFERENCES

1. Izumrudov, Yu.A. *Blokovskaya mistifikatsia Borisa Sadovskogo “Soldatskaya skazka”* [Sadovskoy's “Soldier's Tale”, a Literary Mystification of Blok]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2014, No 6, pp. 199–204. (In Russ.)
2. Sadovskoy, B.A. *Vstrechi s Blokom* [Meetings with Blok]. *Alexandr Blok v vospominaniyah sovremenikov: V 2 t. T. 2* [Alexander Blok in the Memoirs of Contemporaries in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, 1980, pp. 46–57. (In Russ.)
3. Izumrudov, Yu.A. *Apocalipsis B. M. Sadovskogo* [B.M. Sadovskoy's Apocalypse]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2012, No 4(1), pp. 393–397. (In Russ.)
4. Izumrudov, Yu.A. *Bolshevism i intelligentsiya v interpretatsii Borisa Sadovskogo* [Bolshevism and Intelligentsia in Boris Sadovskoy's Interpretation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2012, No 6 (1), pp. 335–340. (In Russ.)
5. Akhmatova, A.A. “Uznayut golos moy ...”: *Stihotvoreniya. Poemy. Proza. Obraz poeta*. [“My Voice is Recognized...”: Poems. Prose. The Image of the Poet]. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 1995. 544 p. (In Russ.)
6. Sadovskoy, B.A. *Ozim': Statyi o russkoy poezii. K. Balmont. A. Blok. V. Bryusov. I. Severyanin. Futuristy*. [Winter Crops: Articles about Russian Poetry. K. Balmont. A. Blok. V. Bryusov. I. Severyanin. Futurists.] Petrograd, Sirius Publ., 1915. 48 p. (In Russ.)
7. Blok, A.A. *Sobr. sochineniy: V 8 t. T. 3* [Collection of Works in 8 Vols. Vol. 3]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1960. 717 p. (In Russ.)
8. *Perepiska A.A. Bloka s B.A. Sadovskim. Predisl., publ. i comment. V.P. Korshunovoy* [The Correspondence between A.A. Blok and B.A. Sadovskoy. Preface, Publ. and Comment. by V.P. Korshunova]. *Literaturnoye nasledstvo. T. 92: Alexandr Blok. Novye materialy issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage. Vol. 92: Alexander Blok. The New Research. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 309–314. (In Russ.)

- The History of the Fatherland in Certificates and Documents of the 18th–20th Centuries]. Vol. 1. Moscow, 1991, pp. 106–183. (In Russ.)
21. *Iskustvo avtografa. Inskripti pisateley i khudozhnikov v chastnikh sobraniyah rossiyskikh bibliofilov. V 2 t. T. 2. Sost. M. Seslavinsky* [The Art of the Autograph. Inscripts of Writers and Artists in Private Collections of Russian Bibliophiles. In 2 Vols. Vol. 2. Ed. by M. Seslavinsky]. Moscow, 2015. 548 p. (In Russ.)
 22. Blok, A.A. *Sobr. sochineniy: V 8 t. T. 6* [Collected Works in 8 Vols. Vol. 6]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. 551 p. (In Russ.)
 23. Golov, I. (Sadovskoy, B.A.). *Rozi bez shipov* [Roses without Thorns]. *Vesy.* 1909, No 9, p. 95. (In Russ.)
 24. Blok, A.A. *Sobr. sochineniy: V 8 t. T. 5* [Collected Works in 8 Vols. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1962. 799 p. (In Russ.)
 25. Khodasevich, V.F. *Sobr. sochineniy: V 4 t. T. 4. Nekropol'. Vospominaniya. Pis'ma* [Collected Works in 4 Vols. Vol. 4. Necropolis. Memories. Letters]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 744 p. (In Russ.)
 26. *Akmeizm v kritike (1913–1917)* [Acmeism in Criticism (1913–1917)]. Ed. by O.A. Lekmanov and A.A. Chaban]. St. Petersburg, 2014. 544 p. (In Russ.)
 27. Sadovskoy, B.A. *Lebediniye kliki* [Swan Calls]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
 28. "On budet pisat' stikhi protiv nas". *Pravda o bolezni i smerti Alexandra Bloka. Publikatsiya V. Shepeleva and V. Lyubimova* ["He will Write Poetry Against Us". The Truth about the Illness and Death of Alexander Blok. Publication by V. Shepelev and V. Lyubimov]. *Istochnik. Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [Source. Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation]. 1995, No 2, pp. 34–42. (In Russ.)